

отрицаніе норманскаго происхожденія варяговъ. Мы видѣли, что такое исканіе идеаловъ назади исторіи часто совпадаетъ съ современнымъ обскурантизмомъ, и къ сожалѣнію, въ послѣднее время онъ очень распространенъ; но, какъ и естественно, подобная точка зрѣнія до сихъ поръ не могла создать ни одного цѣльнаго произведенія, чтобы научнымъ образомъ доказать свои положенія на цѣломъ пространствѣ русской исторіи.

Если мы будемъ искать основныхъ чертъ, отличающихъ исторіографію послѣднихъ десятилѣтій, то, кромѣ общаго умноженія научныхъ средствъ предмета, можно указать двѣ особенности. Это, во-первыхъ, распространеніе реального историческаго метода. Продолжались, конечно, и теперь теоретическіе, или просто фантастическіе, толки объ особенномъ «духѣ» русскаго народа, объ его провиденціальномъ предназначеніи, и т. п., но въ научной сторонѣ дѣла все болѣе распространяется пріемъ реальной критики—отъ археологическихъ изысканій о древностяхъ русской территоріи, антропологическихъ соображеній о происхожденіи и свойствахъ племени, отъ опредѣленія вліяній почвы и климата, земледѣльческаго труда и промысла, до изслѣдованій объ условіяхъ историческихъ, окружавшихъ развитіе народа и государства, о складѣ экономической жизни, объ источникахъ народнаго міровоззрѣнія и поэзіи и т. д. Во всѣхъ этихъ изслѣдованіяхъ все больше усиливается стремленіе къ прочному установленію жизненнаго факта, къ всестороннему объясненію его источниковъ и послѣдствій,—конечно единственный способъ, которымъ можетъ быть достигаемъ правильный историческій выводъ. Другую отличительную черту новѣйшей исторіографіи, по содержанію, составляетъ усиленный интересъ къ общимъ явленіямъ внутренней жизни, и особенно къ жизни народной. Какъ мы уже замѣчали, судьба «народа» — въ спеціальномъ смыслѣ народныхъ массъ, главной основы племени, трудового крестьянства—никогда прежде не бывала предметомъ такого вниманія какъ именно теперь. Источникъ этого вниманія былъ частію общественный, но частію и чисто научный: не только въ общественномъ смыслѣ можно было желать разясненія судьбы миллионовъ народа, впервые вступавшихъ въ среду гражданскаго общества, желать воспользоваться и знаніемъ прошлаго для лучшаго опредѣленія его современнаго положенія, идеаловъ и потребностей; но и въ смыслѣ научномъ было необходимо изучить, наконецъ, эту забытую сторону исторіи, эту этнологическую основу, силами которой совершалось историческое движеніе. Два мотива изученія, сейчасъ указанные, дѣйствовали несходно, какъ потребность нравствен-